

Сойдя со сцены, они услышали, как менеджер попросил их записать короткое видео. Оказалось, для них открыли официальный сайт, и нужно было выложить обращение к фанатам.

Ребята последовали за менеджером в заранее подготовленную комнату и, следуя написанному на листке сценарию, по очереди говорили в камеру. Они смеялись и дурачились — всё-таки возраст ещё тот, чтобы стесняться, — желая передать фанатам свою энергию.

— Ты тоже скажи пару слов, — произнёс Ли Сынхён и, обняв Син Ми за плечи, повернул его к объективу.

Впервые обращаясь к фанатам, Син Ми, как и остальные, волновался. Но, возможно, из-за утреннего происшествия, слова застревали у него в горле. Он боялся ошибиться, вызвать ещё больше неприязни, и речевой аппарат словно отказал.

Не в силах выдать ни звука, он начал нервничать, хотя внешне старался держаться. Ли Сынхён, похоже, почувствовал его состояние и, наклонившись, пристально посмотрел на него, словно подбадривая: всё в порядке, давай, Син Ми.

Син Ми ощутил это. Нельзя сказать, что он тут же успокоился, но нервы немного отпустили.

— Да... Надеюсь, вы полюбите нас, и... меня, — он впервые улыбнулся в камеру, слегка смущённо и сдержанно. Улыбка была невероятно милой, по-звериному непосредственной, но свет в глазах был не таким ярким, как обычно.

Именно это позже заметили фанаты, пересматривая ранние материалы: какое бремя лежало тогда на этом ребёнке и какое выражение скрывалось за той милой улыбкой — никто настоящему не мог этого прочувствовать.

— Верно, все, любите нашего Чими побольше! — поспешно подхватил Ли Сынхён, и остальные дружно закивали.

— Хотя он выглядит как младший, Чими на месяц старше Ли Сынхёна, так что, пожалуйста, заботьтесь и о нём.

Син Ми, слушая, как они заступаются за него, улыбнулся чуть шире. Если присмотреться, на его щеках проступали две едва заметные ямочки, видимые лишь при широкой улыбке.

Квон Джиён заметил это и заинтересовался, но промолчал, лишь разглядывая те едва уловимые впадинки, испытывая желание ткнуть в них пальцем.

Какой же милый ребёнок, когда улыбается.

Когда съёмка подходила к концу, они начали дурачиться:

— Оставляйте комментарии, выражайте свою любовь, любовь!

Ли Сынхён изобразил руками огромное сердце:

— Любовь! Вот такого размера!

Все хором кричали, включая Син Ми, который улыбался всё шире и тоже втянулся в игру:

— Даже безумную! Вот такую! Это и есть BIGBANG!

— На этом всё! Это BIGBANG! — заключил Квон Джиён с улыбкой.

Глядя на их неумёмную энергию, менеджеры и Бо Хён тоже не могли сдержать смеха.

После окончания съёмок они решили отпраздновать первый эфир и отправились ужинать.

В машине Син Ми наблюдал, как Квон Джиён ответил на звонок, что-то пробормотал в трубку и, положив её, сообщил, что к ним присоединятся.

Син Ми, сидевший сзади в кепке, услышал вопрос Тон Ёнбэ:

— Пак Чхун?

Квон Джиён кивнул, и они обменялись ещё парой фраз.

Ли Сынхён, в отличие от Син Ми, был в курсе дел. Хотя он не особо общался с девушками-стажёрами компании, он знал Пак Чхун и других, с кем Квон Джиён водил дружбу.

Он что-то прошептал Син Ми на ухо, но тот пропустил информацию мимо, запомнив лишь имена. Впрочем, Ли Сынхён и не собирался посвящать его во все детали, просто пытался отвлечь.

Выросшие вместе, они понимали друг друга без слов. Даже если Син Ми внешне казался спокойным и перед камерой держался безупречно, Ли Сынхён знал: шок от сегодняшнего происшествия ещё не прошёл.

Син Ми тоже это понимал. Но он уже слишком много раз говорил «всё в порядке», и это звучало фальшиво. Не верили ни Квон Джиён с остальными, ни он сам. Теперь, когда выступление завершилось, можно было не держать лицо, и с момента выхода из МВС до посадки в машину он был безучастен, точнее, погружён в себя.

Остальные, конечно, волновались. Хотя после дебюта на них обрушился шквал негатива, Син

Ми стал первым, кто столкнулся с прямой атакой фанатов, да ещё и фанатов старшего брата — чистой воды несправедливость.

О чём же думал Син Ми? На самом деле, о простом: отойдя от страха, он испытывал облегчение — по крайней мере, ему повезло не повредить глаз. А потом размышлял, почему фанатки брата отреагировали так яростно.

Кажется, они кричали что-то вроде «не смей соблазнять нашего оппа». Что за чушь? Разве он, парень, может вызывать такие мысли? Значит, всё из-за этой внешности...

Син Ми скривился, отчего сердца Ли Сынхёна и Кан Тэсона сжались.

Сам он этого не осознавал, лишь машинально натянул кепку пониже, прикрывая щёки, и уставился в окно. Казалось, в любой ситуации его внешность становилась главной мишенью для нападков. Син Ми прикрыл ладонью с кепкой половину лица. Повернувшись к окну, он скрыл своё выражение от остальных, а в стекле смутно отражался его образ: половина лица скрыта капюшоном, на видимой части уголки губ и глаз опущены вниз.

И в этом отражении ему вдруг померещилось пухлое лицо с таким же удручённым и пустым выражением.

Син Ми резко встряхнул головой, стиснул зубы и попытался растянуть губы в улыбку в стекло. Получилось некрасиво, но это уже не было похоже на прошлое.

Да, он больше не был тем Син Ми.

Теперь он — Чими из BIGBANG.

Чха Син Ми, ты выглядишь отвратительно, — прошептал он себе.

Когда они вышли из машины, Квон Джиён и остальные заметили, что Син Ми уже не выглядел таким подавленным. Детская способность восстанавливаться, видимо, и впрямь поразительна. В этом, безусловно, заключалось его преимущество.

Все невольно выдохнули с облегчением.

Место для ужина находилось недалеко от общежития BIGBANG. Это был ресторанчик с жареной свиной кожей, куда Квон Джиён с Тон Ёнбэ часто заходили, поэтому они были знакомы с хозяином и тепло поприветствовали его при входе.

Син Ми не любил блюда из кожи, но он шёл за компанией, поэтому, скрипя сердцем, переступил порог. Когда подали свиную шкуру, он, как младший, вместе с Ли Сынхёном

взялся за жарку. Однако утренний инцидент, видимо, оставил у старших братьев осадок, поэтому Тон Ёнбэ, Квон Джиён и Чхве Сынхён тоже не сидели сложа руки, принявшись помогать — у них получалось куда проворнее.

Здесь не было жёсткой иерархии, и атмосфера между ними была настолько гармоничной, что радовала глаз.

Когда появились Пак Чхун и другие, они как раз услышали, как Тон Ёнбэ подтрунивает над Ли Сынхёном:

— Ли Сынхён, посмотри, как ты жарешь. Если бы мы ждали только тебя, братья бы давно протянули ноги.

Ли Сынхён, конечно, смутился, но лишь слабо возразил:

— Хён, я же стараюсь.

Пак Чхун шагнула вперёд первой:

— Эй, вы уже начали есть, не дождавшись нас? Совсем не уважаете дам.

Квон Джиён усмехнулся:

— Мы просто начали готовить, чтобы вам не пришлось ждать. Да и праздник-то наш, нуна, это вы заставили нас ждать — вот это неправильно.

— Ого, наш Джиён так разговорился, — Пак Чхун фыркнула. — Видно, статус дебютанта сказывается.

— Какие странные слова, нуна, зачем так говорить?

Ли Чэрин и другие не были так близки с Пак Чхун и Квон Джиён, поэтому просто шли сзади, наблюдая за их шутивным препирательством.

Ли Сынхён толкнул Син Ми локтем и прошептал:

— Эй, тут что-то нечисто.

Син Ми взглянул на него, затем на продолжающих перепалку Квон Джиёна и Пак Чхун, скривил губы и, подражая ему, наклонился к уху:

— Не перевернёшь — скоро подгорит.

— Что? А! — Ли Сынхён в панике бросился исправлять положение, а Син Ми еле сдерживал

смех. В итоге подгоревший кусок оказался в его миске, и выражение его лица мгновенно переменялось. Однако Ли Чэрин и другие уже обратили на них внимание, и Син Ми, сглотив ругательство, тихо прошипел Ли Сынхёну:

— Эй! Ли Сынхён!

<http://bllate.org/book/15544/1382979>